

**НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ
ДОГОВОРОВ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Гурщенков П.В.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

1. Согласно ст. 390 ГК договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Хозяйственным договором следует признать соглашение, в силу которого одна сторона обязуется в обусловленный срок передать товары, выполнить работы или оказать услуги в сфере хозяйственной деятельности, а другая сторона обязуется принять и оплатить их. В рамках хозяйственного обязательства либо обе стороны осуществляют хозяйственную деятельность, либо ее осуществляет сторона, на которой лежит основная обязанность, характеризующая существо данного договора [1, с. 126–127]. Хозяйственный договор представляет собой наиболее распространенное основание возникновения хозяйственных обязательств. Вместе с тем около 35% споров в экономических судах касается неисполнения договорных обязательств.

В Беларуси с 2017 года развитие правового регулирования договорной работы интегрировано с элементами цифровой экономики. Новое законодательство предусматривает применение цифровых технологий на всех стадиях договорной работы. При заключении договора цифровые технологии освобождают от обмена оригиналами документов, подписания документа, проставления на нем печати и отправки его почтой.

Используемый при подготовке договора компьютерный программный код, содержащий условия сделки, самостоятельно отслеживает действия сторон и автоматически принимает решения по исполнению договора [2, с. 16]. В программный код внести изменения невозможно. Не возникает также поводов для толкования программного кода.

2. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 162 ГК сделки (за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения, и сделок, указанных в п. 2 и 3 ст. 160 ГК), заключаемые юридическими лицами между собой и с гражданами, должны совершаться в простой письменной форме. Ст. 161 ГК в редакции Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 N 135-З под простой письменной формой сделки понимает составление текстового документа, включая документ в электронном виде, выражающий ее содержание, который подписан должным образом уполномоченным лицом собственноручно либо с использованием технических средств, информационных систем, если способ подписания позволяет достоверно установить полномочия подписавшего лица.

Согласно абз. 14 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 28.12.2009 N 113-3 (ред. от 08.11.2018) "Об электронном документе и электронной цифровой

подписи" электронный документ - документ в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность. Структура электронного документа включает две части. Основная часть излагает информацию, составляющую содержание документа. Реквизиты электронного документа состоят из одной или нескольких электронных подписей, а также могут содержать дополнительные данные, необходимые для проверки электронной цифровой подписи (подписей) и идентификации электронного документа, которые устанавливаются техническими нормативными правовыми актами (ст. 17 Закона № 113-3). Электронный документ приравнивается к документу на бумажном носителе, подписанному собственноручно, и имеет одинаковую с ним юридическую силу (ч. 1 ст. 22 Закона N 113-3). Вместе с тем, электронная цифровая подпись есть эффективное средство криптографической защиты электронного документа.

3. В 2016 г. впервые в хозяйственной практике договор купли-продажи хлопка между резидентами из Китая и Австралии был оформлен смарт-контрактом (smart-contracts). Смарт-контракт отследил выход груза из китайского порта и его перевозку до склада покупателя. Местонахождение груза фиксировалось подключенным к Интернету радиомаячком. Плательщик оплатил товар без предоставления других документов.

4. В нашей стране п. 5.3 декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 N 8 "О развитии цифровой экономики" (далее – декрет № 8) также позволяет резидентам Парка высоких технологий (далее - ПВТ) совершать и (или) исполнять сделки посредством смарт-контракта. Лицо, совершившее сделку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом осведомленным о ее предмете и иных условиях, в том числе выраженных программным кодом, пока не доказано иное. Согласно данному документу под смарт-контрактом понимается программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий (п.9 приложения к декрету № 8). В свою очередь, реестр блоков транзакций (блокчейн) представляет собой выстроенную на основе заданных алгоритмов в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации, последовательность блоков с информацией о совершенных в такой системе операциях (п. 8 приложения 1 к Декрету № 8). Код, в соответствии с которым происходит автоматическое исполнение сделок вне распределительной системы и вне ПВТ, смарт-контрактом не признается. Таким образом, сущностными признаками смарт-контракта определены информационная система и распределенность.

Смарт-контракт, как указано в декрете № 8, введен в качестве правового эксперимента и находится на стадии развития как с правовой, так и с технической точек зрения (блокчейн и иные технологии). Смарт-контракт представляет собой цифровую технологию исполнения предусмотренных законодательством или не противоречащих ему хозяйственных договоров.

Примечательно, что пока он не предусмотрен для сопровождения гражданско-правовых договоров, заключаемых физическими лицами. Пока смарт-контракт предназначен для использования исключительно резидентами ПВТ. С учетом абз. 9 п. 19 Положения о ПВТ, утвержденного декретом Президента Республики Беларусь от 22.09.2005 N 12 (ред. от 21.12.2017) совершение и (или) исполнение сделок посредством смарт-контракта могут осуществляться в том числе в отношениях между резидентами ПВТ и лицами, не имеющими статуса резидента ПВТ.

В последующем логично его распространение и на другие хозяйственные сферы, прежде всего внешнеэкономическую, банковскую и финансовую. Применение смарт-контракта возможно для оформления договора аренды (перечисление платежей в течение всего срока действия договора); договоров энергоснабжения (смарт-контракт может обеспечивать расчеты по показаниям приборов учета реально потребляемого количества ресурсов); для оформления аккредитива (программа осуществит автоматическое перечисление предусмотренной суммы получателю при выполнении определенных в контракте условий).

Совмещенный с технологиями искусственного интеллекта смарт-контракт может стать автономным со своей «волей» участником договорных отношений. Речь идет об электронном лице, наряду с юридическими и физическими лицами.

Правовое регулирование смарт-контракта сосредоточено в его исполняемом коде. Поэтому к нему не применимо в значительной части законодательство, регулирующее традиционные договоры. Это касается норм ГК о заключении, исполнении, расторжении и недействительности договоров. В декрете № 8 не говорится о необходимости сопровождения операций по смарт-контрактам первичными учетными документами; об обязанности раскрытия условий контракта контролирующим органам; о препятствовании отмыванию денежных средств преступным путем.

Смарт-контракт позволяет минимизировать риски персонала при исполнении договорных обязательств, гарантирует конфиденциальность. Контракты хранятся в блокчейн в зашифрованном виде. Его преимуществом также является снижение издержек на сопровождение сделки.

Применение цифровых технологий в хозяйственно-договорной работе предъявляет новые требования к юридическому сопровождению гражданского оборота. Необходимо овладение знаниями в области цифровых технологий, блокчейн, криптовалют и других новых объектов гражданских прав.

Список использованных источников

1 Сидорчук, В.К. Хозяйственное право : учеб. пособие / В.К. Сидорчук. – Минск : РИ ПО, 2015. – 316 с.

2. Макаёв, Н.В. / Смарт-контракты в Беларуси, или Что? Где? Когда? / Н.В.Макаёв // Промышленно-торговое право. – 2018. – N 3 – С. 16–21.